

УДК 882

Е.П.Дерябина

ФЕТ И ПАНАЕВ

The subject of this paper is I.I.Panaev's («A new poet») parody on A.A.Fet's poem, which reflects the fact that the circle of magazine «Sovremennik» did not accept Fet's poetry.

Говоря о творческих взаимоотношениях Фета с членами кружка «Современника», фигуру Ивана Ивановича Панаева можно было бы, казалось, опустить за отсутствием свидетельств о творческом взаимодействии писателей [1], если бы не одно «но»: пародии Панаева 1850 — 1854 гг. на стихотворения Фета под маской *Нового поэта*. Они явились первыми по времени написания и открыли дорогу многочисленным последующим пародиям на

Фета 1860-х гг. Панаев как бы указал своим современникам Д.Д.Минаеву, Н.А.Добролюбову, В.С.Курочкину на удобный для пародийного подражания объект.

Первая пародия Панаева — Нового поэта на стихотворение Фета «Ты говоришь мне: прости...» из сборника 1850 г. была опубликована в пятом номере «Современника» за тот же год. Сравним оба текста.

Фет:
*Ты говоришь мне: прости!
 Я говорю: до свиданья!
 Ты говоришь: не грусти!
 Я замышляю признанья.*

*Дивный был вечер вчера!
 Долго он будет в полине;
 Всем, — только нам не пора;
 Пламя бледнеет в камине.*

*Что же, — к чему этот взгляд?
 Где ж мой язвительный холод?
 Грусти твоей ли я рад?
 Знать, я надменен и молод?*

*Что ж ты вздохнула? Цвести —
 Цель вековая созданья;
 Ты говоришь мне: прости!
 Я говорю: до свиданья! [2]*

Панаев:
*Ты мне все шепчешь: «Постой!»
 Я говорю: «Для чего же?»
 Что же вдруг случилось с тобой?
 Ты простила: «О, Боже!»*

*Дивный был ужин вчера!
 Мы проболтали до ночи...
 Но и расстаться пора:
 Сон уж смежает нам очи.*

*Что ты все смотришь кругом?
 Что потупляю я взоры?
 Долго мы были вдвоем,
 Сладко вели разговоры.*

*Я виноват пред тобой,
 Ты предо мною... Но что же?
 Ты мне все шепчешь: «Постой!»
 Я говорю: «Для чего же?» [3]*

Да, Панаев выбрал для пародии не самое удачное стихотворение: позже оно не вошло ни в одно прижизненное издание. Однако несмотря на присущий стихотворению схематизм, пока еще не обогащенный теми чертами, которые в будущем составят уникальность фетовской музыки, стихотворение содержит основные типические черты поэтики Фета: сосредоточенность на ощущении при почти полном отсутствии действия, лирический диалог героев, кольцевую композицию, кажущуюся беспредметность реплик. Панаев нападает на эту беспредметность, в точности повторяет фетовский синтаксис, намеренно снижает романтический колорит стихотворения (Фет: «вечер» — Панаев: «ужин»; «вздохнула» — «проболтали»), прибегает к бессмысленным повторам («Я виноват пред тобой, / Ты предо мною...»). Пародия Панаева написана как будто в продолжение рецензии «Современника» на сборник поэта 1850 г., опубликованной двумя номерами раньше [4]. Главное обвинение, выдвинутое в этой статье, — «прозаическая слабость формы» — напрямую соотносится с попыткой Панаева пародировать форму стихотворения «Ты говоришь мне: прости!...». По мнению редакции «Современника», «стихийное, могучее» начало своей поэзии Фету «лишь изредка удается <...> уловлять в соответствующие образы». Идеалы Панаева восходили к пушкинскому гармоническому единству «духа» и «формы», поэтому смелые эксперименты Фета с композицией кажутся ему достойными пародии. Не устраивает Нового поэта и содержание стихотворения, воспринимаемое как «ложноромантическое». Как известно, гротескно-сатирическая маска Нового поэта — эпигона, графомана и дилетанта была создана Панаевым в 1841 г. именно для борьбы с ложноромантическими тенденциями русской поэзии. Как справедливо отмечает Б.В.Мельгунов, «пародии Панаева — это чаще всего слабые имитации, иронические подражания тому или иному автору «гладких и звучных» стихотворений» [5]. Сборник Фета 1850 г. литературным обществом и кружком «Современника» был воспринят как подражательный романтической традиции Гейне.

Следующая пародия Панаева также может быть рассмотрена в духе борьбы с «романтизмом» Фета. Это пародия «Nocturno», опубликованная в восьмом номере «Современника» за 1850 г.

*В ароматную ночь у окна
Мы с тобою сидели вдвоем,
Нас, в объятьях друг друга, луна
Серебрила холодным лучом.*

*Счастью нашему громкий привет
Распевал вдалеке соловей,
И луны упоительный свет
Трепетал между темных ветвей.*

*Я не думал тогда ни о чем,
Ты безмолвно ласкала меня, —
Так мы долго сидели вдвоем
И молчали до белого дня [6].*

Взяв название стихотворения 1842 г., Панаев спародировал не его, а все типичные романтические реалии пейзажной лирики Фета: ночь, лунный свет, влюбленные, песнь соловья, безмолвие. Однако вместо фетовской недосказанности, фрагментарности, случайности выхваченных впечатлений, характерных для его пейзажных стихотворений, в «Nocturno» Нового поэта мы находим предельную конкретность, выписанность образов, не оставляющую места воображению, фантазии, домыслу. Характерна и смена красок: Фет — «тихая ночь», Панаев — «громкий привет». Четкий ритмический рисунок выбранного Панаевым анапеста создает излишнюю напористость, законченность, «гладкость». В борьбе с «романтическими тенденциями» Новый поэт неожиданно сам оказывается эпигоном романтической традиции, «певцом однообразных, расплывчатых эмоций, замкнутый в границах определенного набора мотивов» [7].

Третья и последняя пародия Нового поэта на стихотворения Фета появилась во втором номере «Современника» за 1854 г. (в «Литературном Ералаше», №1) и называлась «На дороге».

*Я еду просекой... зеленою стеной
Деревья высятся направо и налево;
В прогалинах лесных мелькают предо мной
Густые зелени недавнего посева.*

*Роскошный чернозем подернул павший лист,
Орешник пожелтел и облетела роза...
Свежо. Лишь изредка раздастся только свист
И вдруг зашелестит плакучая береза.*

*Вся роща звуками и песнями полна.
Вот въехал в чащу. Дорога сжалась узко...
Пронзительно кричит нахальная желна,
Трещит болтливый дрозд и свищет трясогузка.*

*На темном ельнике краснеет ярко клен:
Сквозь листья резкою багровой полосой
Виднеется заря... Я в думу погружен,
И грудь моя полна безвыходной тоскою.*

*На срубленной сосне, насупившись, сидит
Ворона, каркая... И тяжело и больно!
Печальной осени кругом печальный вид
Припоминает мне прошедшее невольно.*

*Остановил коней, из брички вылез вон...
Стою... гляжу назад... А сердце так и гложет...
И все мне кажется, как будто бы сквозь сон,
Что оценить меня никто не может!.. [8]*

Панаев спародировал стихотворение Фета «Степь вечером». Примечательно, что пародия была написана «по горячим следам»: стихотворение «Степь вечером» было опубликовано в том же номере «Современника» среди десяти стихотворений Фета. Критик журнала «Пантеон» заметил по этому поводу: «Пародия на стихи г. Фета, помещенные в той же книге <...> Факт любопытный, и первый раз являющийся в русской литературе» [9]. Современный исследователь А.А.Морозов считает, что «объяснение этому следует искать в том, что, приняв к напечатанию десять стихотворений Фета, «Современник» вместе с тем хотел выразить свое отношение к общей эстетической позиции Фета как представителя «чистого искусства» [10]. По сути, исследователь прав, однако, как нам кажется, в пародии Панаева сказались нападки кружка «Современник» на несколько иной аспект творческой позиции Фета.

В начале 1854 г. Фет только что вошел в кружок, начал активно печататься в журнале. Со страниц «Современника» в редакционных статьях его поэзия восхвалялась, представлялась публике как «что-то сильное и свежее, чисто поэтическое», его талант назывался «в высшей степени самобытным». Панаев являлся ценителем именно этого «чисто поэтического» элемента: объясняя позицию Нового поэта он писал: «вообще составление стихов без поэзии самое пустое и бесполезное препровождение времени» [11]. Отвечая на упреки критика «Москвитянина» в отсутствии эстетического такта Панаев возражал: «Отыщите же хоть одну пародию Нового поэта на произведения истинно-поэтические» [12].

К 1854 г. в кружке «Современника» сформировалось устойчивое представление о Фете как о «певце неуловимо-поэтических движений сердца человеческого» [13] и «тончайших прелестей» природы. Среди десяти стихотворений, опубликованных во втором номере «Современника», целиком под это определение подходило стихотворение «Пчелы», наполненное тончайшей поэзией, поразившее всех членов кружка. Стихотворение «Степь вечером» выбивается из рамок восхваляемой «Современником» поэтики Фета, поражает непривычными «прозаизмами» (например, неромантической фауной: «лунь», «перепел», «коростели»). Видимо, слух Нового поэта оскорбила именно приземленность, прозаичность выбранных Фетом образов — уж очень не соответствовала такая поэтика привычной романтической традиции, одобряемой критиками журнала в середине 1850-х гг. В пародии Панаев использовал еще более сниженные, грубоватые детали: «нахальная желна», «болтливый дрозд», «трясогузка», «чернозем», «бричка». Интересно, что в том же 1854 г. коллега Панаева по редакции журнала «Современник» Н.А.Некрасов также написал пародию на пейзажную лирику Фета — стихотворение «Лето».

*Умирает весна, умирает,
Водворяется жаркое лето.
Сердит муха, комар сноровляет
Укусить, — все роскошно одето!*

*Осязательно зреющий колос
Возвышается вровень с кустами.
По росе долетающий голос
Из лесов словно пахнет грибами...*

*По утрам продолжительны росы,
А к полудню жары чрезвычайны...
<...>*

*От шмелей ненавистных лошадки
Забираются по уши в волны.
Вечера соблазнительно сладки
И сознательной жаждою полны.*

*Прикликает самец перепелку,
Дергачи голосят сиповато,
Дева тихо роняет иголку
И спешит, озираясь, куда-то. [14]*

В беловом автографе Некрасов подписал стихотворение фамилией Фета. Опубликовано же оно было лишь в 1879 г.: видимо, Некрасов довольствовался схожей по стилю и направленности пародией Панаева (те же прозаизмы: «муха», «пахнет грибами», «комар», «дергач», «перепелка»). Стихотворение Некрасова отличается более высоким уровнем исполнения, однако, как и панаевское, обличает неприятие кружком «Современника» пейзажной лирики Фета. Фет оказался шире навязанной ему репутации «воздушного», «порхающего» поэта — и тут же вызвал реакцию Нового поэта (Панаева) и Некрасова.

В письме к Некрасову из Ревеля от 27 июня 1854 г. Фет писал, прилагая стихотворение «Буря»: «Ивану Ивановичу, для декламации и пародии, посылаю» [15]. Однако больше Панаев пародий на лирику Фета не писал. В 1856 г. Некрасов уехал за границу, и Панаев целиком погрузился в редакторские хлопоты по изданию «Современника»; его позиция по отношению к поэзии Фета трансформировалась из оценочной в типично редакторскую: «Кланяйся очаровательному и остроумному Фету. Поцелуй его — и проси его о присылке мне стихов — крайне нужны. <...> Что его вдохновение?» — писал он И.С.Тургеневу 17 (29) сентября 1856 г. [16].

В связи с редакторской деятельностью Панаева необходимо вспомнить еще один эпизод, повлиявший на творческую судьбу Фета. Четвертое и последнее письмо Фета «Из-за границы», где он рассказывал об итальянских впечатлениях и, скорее всего, упоминал Некрасова, не было напечатано в «Современнике». Между тем Фет в «Воспоминаниях» писал, что отправлял рукопись в редакцию. Это письмо и сейчас остается не найденным. Редакция журнала не решилась завершить публикацию писем «Из-за границы». Панаев в письме к В.П.Боткину 28 июня 1857 г. частично объяснил причины этого: «Теперь уже нельзя угощать публику безнаказанно между прочим письмами Фета, и я не печатаю их» [17]. Общественная позиция «Современника» в середине 50-х годов изменилась, приобрела политическую заостренность. В отделе критики А.В.Дружинина сменил Н.Г.Чернышевский, печатающий на страницах журнала «Очерки гоголевского периода».

Отказав в публикации письма об Италии в связи с нарастающим противоречием между политической индифферентностью Фета и ярко демократической позицией «Современника», Панаев открыл последующую череду отказов поэту в журнальных публикациях конца 1850-х гг., закончившуюся отлучением его от литературного процесса. Панаев обладал особым журналистским чутьем на время, на меняющиеся потребности публики: улавливал малейшее изменение общественных интересов, тонко чувствовал текущую литературную ситуацию. В 1856 г. он предугадал начинающееся изменение этой ситуации, что и отразилось на его отношении к произведениям Фета. «Мы живем в такую минуту, когда чистое искусство, l'art pour l'art, на русскую публику не производит никакого действия, это факт несомненный», — писал он Тургеневу из Петергофа 1 июля 1856 года [18]. Главная цель Панаева-журналиста — удовлетворить потребностям публики. Фет, по его мнению, с этой точки зрения уже несостоятелен.

Обобщая наши наблюдения, необходимо заметить, что фигура Панаева явилась своеобразным индикатором отношения кружка «Современника» к поэзии Фета. Пародии Панаева — Нового поэта, лишённые идейного налета (что отличало их от политически направленных пародий Некрасова), как в зеркале отразили типичное восприятие поэзии Фета в

начале 1850-х гг. кружком «Современника». Как чисто литературные, они особенно ценны для выявления расхождения эстетической позиции Фета с навязываемой ему эстетикой кружка, являются фактами неприятия кружком фетовской музыки.

---

1. В «Воспоминаниях» Фет лишь однажды мимоходом упомянул о Панаеве, описывая знакомство с Некрасовым; переписка Фета и Панаева до нас не дошла — скорее всего, ее и не существовало.
2. Фет А.А. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Б.Я.Бухштаба. Л., 1959. С.449.
3. Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960. С.501.
4. «Современник». 1850. №3. С.1-5. Статья не атрибутирована. Существует предположение Б.В.Мельгунова о том, что автор статьи — В.П.Боткин, основанное на совпадении основных ее положений с тезисами статьи Боткина «Стихотворения А.А.Фета» («Современник». №1. 1857). См.: Мельгунов Б.В. // Русская литература. 1985. № 3. С.146-151.
5. Мельгунов Б.В. // Русская литература. 1986. №3. С.153-169.
6. Русская стихотворная пародия... С.501-502.
7. Новиков Вл. Книга о пародии. М., 1989. С.370.
8. Русская стихотворная пародия... С.502.
9. Пантеон. 1854. Т.3. С.11-12.
10. Морозов А.А. Комментарии // Русская стихотворная пародия... С.783.
11. Цит. по: Новиков Вл. Указ. соч. С.374.
12. Там же.
13. Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика // Дружинин А.В. Собр. соч. в 8 т. Т.6. Пб., 1865. С.808.
14. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15 т. Т.1. М., 1981. С.139.
15. Переписка Н.А.Некрасова в 2-х т. М., 1987. Т.1. С.521.
16. Панаев И.И. Сочинения. Л., 1987. С.532.
17. См.: Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы 1847 — 1861 гг. М.-Л., 1930. С.423.
18. Панаев И.И. Сочинения. С.542.